

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788025010091

О взаимодействии грамматикализации с грамматической системой: два случая супплетивной алломорфии в андийских языках

© 2025 г. К. В. Филатов

Стажёр-исследователь
Международной лаборатории языковой конвергенции
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4, стр. 5
ORCID ID: 0000-0002-0706-9161
triolo@mail.ru

Резюме. Статья посвящена описанию двух сценариев возникновения супплетивной алломорфии в двух андийских языках нахско-дагестанской языковой семьи: каратинском и чамалинском. В статье вводится понятие системных эффектов как факторов устройства системы, влияющих на процессы грамматикализации. Мы показываем, что в указанных языках грамматикализация показателей перфективного конверба оказывается под действием структурных и субстанциональных системных эффектов, в результате чего грамматикализация протекает по неравномерному сценарию. Это и ведёт к возникновению супплетивной алломорфии.

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: грамматикализация, грамматическая система, супплетивная алломорфия, диахроническая морфология

Для цитирования: Филатов К.В. О взаимодействии грамматикализации с грамматической системой: два случая супплетивной алломорфии в андийских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 1. С. 101–113. DOI: 10.31857/S1605788025010091

On Interaction between Grammaticalization Processes and Grammatical System: Two Case Studies of Suppletive Allomorphy in Andic

© 2025 Konstantin V. Filatov

Intern Researcher at the International Laboratory of Language Convergence
of the National Research University
“Higher School of Economics”,
21-4 Bld. 5 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0706-9161
triolo@mail.ru

Abstract. This paper discusses two cases of suppletive allomorphy in Anchiq Karata and Chamalal languages. We analyze two diachronic scenarios that explain the development of suppletive allomorphy in perfective converb morphology. We introduce the concept of systemic effects, which are structural and substantive factors that impact the grammaticalization process. The case studies demonstrate that suppletive allomorphy arises due to systemic effects during the uneven grammaticalization process.

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Keywords: grammaticalization, grammatical system, suppletive allomorphy, diachrony of morphology, systemic effects

For citation: Filatov, K.V. *O vzaimodejstvii grammatikalizacii s grammaticeskoy sistemoj: dva sluchaya suppletivnoj allomorfii v andijskikh yazykakh* [On Interaction Between Grammaticalization Processes and Grammatical System: Two Case Studies of Suppletive Allomorphy in Andic]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 1, pp. 101–113. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025010091

1. Введение

Эта статья (использующая, в основном, материал андийских языков дагестанской семьи) посвящена сравнительно редко обсуждаемой проблеме взаимодействия грамматикализации и уже сложившейся грамматической системы. Некоторые идеи о том, что сложившаяся грамматическая система может влиять на протекающие в ней диахронические процессы и определённым образом их ограничивать и направлять, можно найти в литературе по диахронии морфологических процессов (ср. обзор в [1], где эффекты влияния грамматической системы на диахронические процессы описательно называются “morphology as a shaper of change”). Для удобства дальнейшего изложения мы предлагаем называть подобные явления **системными эффектами**.

Наибольший вклад в разработку этой проблемы, по-видимому, внесли работы М. Мейдена [2]; [3]; [4]; [5]. В этих работах положительно решается вопрос о влиянии автономных парадигматических структур на морфологическую эволюцию системы: “paradigmatic form, abstracted both from the properties it expresses and from its phonological substance, can exercise a kind of diachronic moulding force on morphological structure” [2, p. 285]. Заметим, что работы М. Мейдена сфокусированы, в основном, на **факторах структурного порядка**, взаимодействующих, например, с фонетическими изменениями [2] или процессами образования парадигматического супплетивизма [3].

Однако ясно, что это далеко не единственный тип процессов, происходящих в системе. Едва ли не важнейшим классом процессов в морфологической диахронии являются процессы грамматикализации. В рамках теории грамматикализации проблема парадигматизации, или встраивания грамматикализуемого элемента в существующую грамматическую систему, возникает ещё в трудах Кр. Лемана [6, p. 141–146]. Тем не менее, эта область до сих пор признаётся недоисследованной: “Note that the role played by paradigms in language use leading to grammaticalization is not entirely clear or even controversial [...] More research is needed on this issue” [7, p. 53], хотя и отмечается некоторый консенсус относительно значимости влияния грамматической системы на процессы грамматикализации: “it should be less contentious that extant grammar serves as a constraint and a model for new grammaticalizations” [7, p. 160]. Классическая теория грамматикализации, как известно, во многом

строилась на преодолении структуралистского наследия, ср. такие работы, как [8]; [9]. Такой подход предполагал повышенное внимание к индивидуальной судьбе грамматикализуемых показателей. Следовательно, практически игнорировались вопросы взаимоотношений этих «новоприбывших» показателей с уже сложившейся, принимающей их грамматической системой [10]. Наиболее радикально эту точку зрения выражает работа [11, p. 1]: “In our view, then, language-internal systems, whether tidy or not, are epiphenomenal, and the clues to understanding the logic of grammar are to be found in the rich particulars of form and meaning and the dynamics of their coevolution”.

В этой статье мы попытаемся показать, что наиболее продуктивно анализировать диахронию грамматических систем получается, если не определять грамматическую систему как абстрактную структуру, отвлечённую от фонетической или семантической субстанции, а признать в ней наличие как структурного, так и субстанционального компонента, поскольку процессы грамматикализации могут регулироваться как эффектами структуры, так и эффектами, определяемыми субстанцией¹. С методологической точки зрения наш подход близок к подходу сравнительных диахронических изменений (ср. “Sprachwandelvergleich” в [12]), который предполагает не просто сравнение двух языковых систем с реконструкцией произошедших в них изменений, а концентрируется на сравнительном анализе самих диахронических сценариев.

Мы задаёмся **целью** описать два сценария появления парадигматических расщеплений (lexical splits в терминологии [13]) – супплетивной алломорфии перфективного конверба в диалектах двух андийских языков – каратинского и чамалинского (< аваро-андо-цезские < нахско-дагестанские). Кроме того, мы попытаемся идентифицировать системные эффекты (в определенном выше смысле), которые привели к образованию супплетивных алломорфов в этих языках.

В разделе 2 будет введена основная информация о перфективных конвербах в андийских языках. В этом же разделе в качестве точки отсчёта мы рассмотрим возникновение специализированной

¹ Некоторые эффекты семантической субстанции системы, влияющие на грамматикализуемый показатель, анализируются в работе [10].

формы перфективного конверба в собственно-каратинском диалекте каратинского языка. Каратинский случай иллюстрирует процесс, который

что ситуация в матричной клаузе ‘выстрелил’ разворачивается непосредственно после ситуации в зависимой клаузе ‘прицелился’.

(1)	<i>ho-š:u-l</i> MED-OBL-ERG	<i>ānžiq</i> target	<i>b-ik:-e-b-χʷa,</i> N-take-AOR-N-PCVB	<i>torč̃:-e</i> shoot-AOR
‘Он прицелившись выстрелил’ [16, с. 28]				

мы называем **равномерной грамматикализацией**. Такая грамматикализация не приводит к образованию новых парадигматических расщеплений. Оговоримся сразу, что в пределах этой статьи нас будет интересовать только один тип парадигматических расщеплений, а именно супплетивная алломорфия (Туре 1 по [13]). В разделах 2.1 и 2.2 на материале гакваринского чамалинского и анчихского каратинского мы, напротив, рассмотрим **неравномерную грамматикализацию**,

Контекст адвербального подчинения в (1) является одним из двух основных контекстов употребления ПК. Помимо него, ПК употребляется также в составе аналитических видо-временных формах перфекта (центральным значением которого является заглазность) и плюсквамперфекта (неактуального прошедшего), см. табл. 1. При этом аналитические формы могут морфологизоваться в синтетические (ср. форму перфекта в гакваринском чамалинском).

Таблица 1. Формы перфекта и плюсквамперфекта в каратинском и чамалинском языках

	Перфект (PCVB + COP)	Плюсквамперфект (PCVB + be.AOR)
с.-каратинский	<i>geh-e-b-χʷa</i> do-AOR-N-PCVB 'сделал, видимо'	<i>geh-e-b-χʷa</i> do-AOR-N-PCVB 'сделал (давно)'
гакв. чамалинский	<i>ihi:da</i> (< <i>ih-i ida</i>) do.PF (< do-PCVB COP) 'сделал, видимо'	<i>ih-i</i> do-PCVB 'сделал (давно)'

которая благодаря действию системных эффектов всё же приводит к образованию новых парадигматических расщеплений. Раздел 3 заключает исследование.

2. Грамматикализация перфективного конверба в андийских языках

Андийские языки – одна из подгрупп в составе нахско-дагестанской языковой семьи, включаемая в состав аваро-андо-цезской группы. Традиционно в неё включаются андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский и чамалинский языки. В фокусе нашего рассмотрения будут два диалекта каратинского языка (анчихский и собственно-каратинский) и три диалекта чамалинского языка (гакваринский, гадыринский и гигатлинский).

Перфективный конверб (далее – ПК) мы определяем как нефинитную глагольную форму, которая маркирует адвербальное подчинение [14] и имеет таксисное значение последовательного разворачивания ситуаций, или консектива, по классификации [15]. Пример из собственно-каратинского диалекта (1) показывает,

С морфологической точки зрения маркирование ПК в андийских языках тесно связано с морфологией аориста (табл. 2). Обе эти формы традиционно относят к так называемой системе перфективива, то есть к системе форм, образующихся от общей перфективной основы.

Показатель ПК присоединяется либо к основе аориста (как, например, в андийском, каратинском, багвалинском языках), либо же аорист и ПК и вовсе морфологически не различаются – форма аориста совмещает в себе как финитные, так и нефинитные употребления (как, например, в ботлихском и тиндинском языках).

Более того, диахронически показатели аориста, по М.Е. Алексееву [17, с. 107–108], возводятся к двум лексически распределённым показателям **-i* и **-a* (в табл. 2 показатели, сводимые к этим праформам, указаны в строках, помеченных как **I* и **A*). Если отвлечься от вторичных совпадений рефлексов в ботлихском, годоберинском и тиндинском языках, которые, по [17, с. 108], имеют аналогическую природу и нас интересовать не будут, то общую систему соответствий можно обрисовать следующим образом. В **I* спряжении *-i*

Таблица 2. Морфология аориста и ПК в некоторых андийских идиомах

	Анд.	Ботл.	Годоб.	Кар.	Анч. кар.	Багв.	Тинд.	Гакв. чам
Аор. *I	-i	-u	-i -u	-e -u	-e -u	-i -u	-o	-Ø
Аор. *A	-o	-a	-a	-a	-a	-a		-a
Перф. конв. *I	-i-ddu	-u	-u	-e-CL-χʷa -u-CL-χʷa	-o -u-s:	-i-CL-o -u-CL-o	-o	-i -ddʷ -nnʷ -llʷ
Перф. конв. *A	-o-ddu	-a	-a	-a-CL-χʷa	-a-s:	-a-CL-o		-a

представляет собой морфонологический вариант **-i* после лабиализованных основ, а *-e* представляет собой регулярный рефлекс **-i* в каратинском языке (включая анчихский диалект). Рефлексы **-a* и вовсе тривиальны во всех языках, кроме андийского, где произошёл переход **-a > -o*. Как продемонстрировано в работе [18], лексическое наполнение этих словоизменительных классов также показывает значительную стабильность.

Для нас особенно важно, что формы ПК, образованные от основы аориста, практически во всех идиомах соблюдают распределение по *A и *I спряжениям (случаи анчихского каратинского и гакваринского чамалинского с не совсем предсказуемой алломорфией и являются основным материалом этой статьи, см. разделы 2.1 и 2.2 ниже). Учитывая данные табл. 2, можно признать справедливым вывод М.Е. Алексеева: «На наш взгляд, все эти факты в совокупности могут означать исходное совпадение финитного и нефинитного оформления общеандийских глаголов» [17, с. 112]. Тем самым, М.Е. Алексеев признаёт архаическими системы типа ботлихской и тиндинской, а остальные «несинкретичные» системы – инновативными. Судя по тому, что собственно конверbialные показатели не сводимы к какой-то одной праграмматической форме, вероятнее всего, они являются результатом независимых грамматикализаций, произошедших уже после распада пра-андийской общности.

По всей видимости, здесь мы имеем дело с некоторыми случаями функционального деления (functional split по [19] или divergence в терминах [20]), то есть ситуацией, когда та или иная языковая единица претерпевает изменения не во всех контекстах. В некоторых из них она сохраняет свой прежний морфосинтаксический статус, так что в языковой системе сосуществуют две её «версии»: одна из них отражает прежнее состояние, а другая – уже новое, сформированное под действием грамматикализации [19, р. 57].

Именно это, как кажется, и произошло при переходе от архаической системы с полисемией аориста и ПК к инновативной системе с формальным различием этих функций. Благодаря грамматикализации показателя ПК большая функция, совмещавшая в себе и аористное и конверbialное значения, разделилась на два подзначения: ‘аорист’ и ‘консектив’.

Рассмотрим теперь сценарий равномерной грамматикализации показателя ПК в собственно-каратинском диалекте. Показатель ПК в собственно-каратинском имеет вид *-CL-χʷa* (табл. 3, см. также пример (1) выше). Знак *-CL-* здесь и далее обозначает позицию для показателя классно-числового согласования (КЧП), который принимает одно из пяти значений в зависимости от рода и числа абсолютного аргумента в клаузе.

Таблица 3. Показатели ПК в собственно-каратинском языке

	SG	PL
M	-w-χʷa	-b-χʷa
F	-j-χʷa	
N	-b-χʷa	-r-χʷa

При этом ПК в собственно-каратинском диалекте присоединяется к основе аориста (равной самому аористу) всех аористных спряжений (табл. 4).

Таблица 4. Показатели ПК в A-, E-, и U-спряжениях

A-спряжение	<i>b-ež-a-b-χʷa</i> (N-fry-AOR-N-PCVB) ‘пожарившись’
E-спряжение	<i>b-ik:-e-b-χʷa</i> (N-take-AOR-N-PCVB) ‘взял’
U-спряжение	<i>b-ek:-u-b-χʷa</i> (N-fall-AOR-N-PCVB) ‘упав, попав’

В каратинском языке общеандийская система **I* и **A* спряжений дала следующие рефлексы (табл. 4). Рефлекс **-a* тривиален (*-a*). Маркер аориста **-i* развился в *-i* при лабиализованных основах (по регулярному морфонологическому правилу *i* > *u* / *w* [21]). При нелабиализованных основах **-i* перешло в *-e* [17]. Всё это справедливо как для собственно-аратинского, так и для анчихского диалектов (см. раздел 2.2 ниже). Таким образом, мы будем говорить о А-, У- и Е-спряжениях по основным алломорфам, выступающим в форме аориста.

Собственно-аратинский диалект интересен тем, что в нём сохраняются следы старого синкетизма между формами аориста и ПК. Как отмечает [22, р. 26] и показывают примеры (2)–(3), конвербальный показатель *-CL-χʷa* может использоваться факультативно. В функции адвербального подчинения может использоваться и форма аориста (2). Это служит дополнительным подтверждением в пользу гипотезы о финитно-нефинитной полисемии как исходном состоянии, поскольку явно инновативный показатель *-CL-χʷa* ещё не полностью закрепился.

(2)	<i>xixʷar</i> privacy_wall	<i>ge;</i> do.AOR[CVB]	<i>misa</i> room	<i>b-itʷ-a:-la</i> N-divide-CAUS-INF
'Разделить комнату перегородкой {букв. перегородку сделав}' [16]				
(3)	<i>hale</i> force	<i>ge:-b-χʷa,</i> do.AOR-N-PCVB	<i>kuntʷ-a:</i> man-DAT	<i>j-ek:-ala</i> F-give-INF
'Насильно выдать замуж {букв. силу применив}' [16]				

В контексте аналитических форм употребление *-CL-χʷa* также факультативно: словарь [16] содержит примеры как типа *ge: b-ikʷ-a* (do.AOR[PCVB] N-be-AOR) 'сделал', так и типа *ge:-b-χʷa b-ikʷ-a* (do.AOR[PCVB] N-be-AOR) 'сделал'.

Можно ли установить лексический источник каратинского показателя ПК? Мы предполагаем, что его можно возвести к пра-андийскому наречию, отражённому в [23] как **CL-ek:a*. Оно реконструируется по следующим рефлексам: год. *ek:a* 'потом, затем'; с.-ахв. *ek:a*, ратл. *b-ek:a* / *b-ek:a-da*, тл. *ek:a-da*, 'назад, вспять'; чам. *b-ek:a* 'вспять, назад' и *b-ek:o* 'поздно, позже' [23, с. 259]. В современном каратинском языке эта лексема, однако, в наречной функции не сохранилась.

Эта гипотеза небеспроблемна по двум формальным причинам. Во-первых, остаётся неясным появление лабиализации в показателе ПК. Впрочем, Т.Е. Гудава [24, с. 63] допускает появление спорадической лабиализации во всех андийских языках. Во-вторых, неясно ослабление **χ: > χ*. Вероятно, его можно отнести на счёт редуктивных изменений (reductive change) частотных элементов по [25, р. 157ff]. Однако, судя

по всему, в праформе показателя должен реконструироваться именно сильный **χ:*, поскольку слабый **χ* в каратинском между гласными развилился в /h/ [24, с. 114].

С семантической точки зрения такое развитие кажется вполне закономерным. В [26, р. 46–47] указывается, что одним из типичных путей грамматикализации консектива является его грамматикализация из послелогов со значением 'после' (AFTER > CONSECUTIVE). В нахско-дагестанских языках, однако, послелоги и наречия крайне близки функционально: «в некоторых описаниях послелоги даже не выделяются в отдельный класс лексем и описываются вместе с наречиями» [27, с. 214]. Кроме того, результирующие формы ПК в каратинском языке не содержат следов ни номинализирующей морфологии, ни показателя падежа, которым должен управлять послелог. Если не предполагать их полного и бесследного исчезновения, то экономнее будет признать возможность отнаречной грамматикализации каратинского консектива по модели 'P, потом Q' > 'P-PCVB, Q'.

b-itʷ-a:-la
N-divide-CAUS-INF

Как бы то ни было, взаимодействие этой грамматикализации с системой нужно признать незначительным. Можно сказать, что в собственно-аратинском диалекте грамматикализация произошла равномерно. В её ходе не было создано никаких новых случаев супплетивной алломорфии – собственно конвербальное маркирование одинаково для всех лексем. Более того, были сохранены все старые супплетивные алломорфы (показатели А-, У- и Е-спряжений). Впрочем, процесс грамматикализации завершился ещё не полностью. На это указывает сохраняющаяся вариативность между «старой» стратегией маркирования конверба при помощи аористной формы и «новым» специализированным показателем. Равномерность описанной грамматикализации проявляется ещё и в том, что эта вариативность равным образом присутствует в обоих важнейших контекстах употребления ПК: и в контексте адвербального подчинения, и в аналитических видо-временных формах.

2.1. Гакваринский чамалинский: роль субстанции

Приведенный в этом разделе анализ является предварительным, в силу недостатка данных по

Таблица 5. Фрагмент глагольной системы гакваринского диалекта чамалинского языка по данным [28]

Глагол	‘молоть’	‘сохнуть’	‘давать’	‘любить’	‘убивать’	‘жать’
Инфинитив	<i>aq-la</i>	<i>biq^w-la</i>	<i>gu:-la</i>	<i>ida:-la</i>	<i>t'a:-na</i>	<i>ak^w-la</i>
Аорист	<i>aq</i>	<i>biq^w</i>	<i>gud</i>	<i>idal</i>	<i>t'an</i>	<i>ak^w-a</i>
Перф. конверб	<i>aq-i</i>	<i>biq^w-i</i>	<i>gu:-dd^w</i>	<i>ida:-ll^w</i>	<i>t'a:-nn^w</i>	<i>ak^w-a</i>
Спряжение	*I	*I	*I	*I	*I	*A

чамалинским диалектам. Тем не менее, мы попытаемся на имеющемся материале наметить проблему неравномерного встраивания грамматикализуемого показателя в грамматическую систему.

Начнём мы с рассмотрения словоизменительной системы гакваринского диалекта чамалинского языка.

Табл. 5 иллюстрирует морфологию аориста и ПК в нескольких словоизменительных классах. В *A-спряжении (глагол ‘жать’) мы видим фрагмент «старой» системы с синкретизмом финитных и нефинитных употреблений. В то же время *I-спряжение распалось на несколько подклассов. В классах спряжения по типу ‘молоть’ и ‘сохнуть’ мы также видим остатки исходной морфологии. Нулевой показатель аориста в этих классах обусловлен правилом падения гласных верхнего подъёма на конце слова (4).

(4) падение верхних: i, u > Ø / _#

Ср. описание этого правила у З.М. Магомедбековой [29, с. 385]: «Конечные безударные узкие гласные *i*, *u* редуцируются, при этом *u*, потеряв слоговость, может перейти в *v* [...] Назализованные *i*, *u* не редуцируются». Правило падения верхних гласных объясняет их утрату на конце форм аориста в глаголах ‘молоть’ и ‘сохнуть’, однако в формах ПК исходное *-i по каким-то причинам не подвергается действию этого правила. Это – проблема, но к её решению мы вернёмся чуть позже.

Наиболее интересны здесь три подкласса, а именно типы ‘давать’, ‘любить’ и ‘убивать’. Они относятся к *I спряжению, так что падение конечного *-i в форме аориста происходит регулярно. Однако в этих подклассах ПК образуется при помощи алломорфов *-dd^w*, *-ll^w* и *-nn^w*. По-видимому, три этих алломорфа возможно возвести к одной глубинной форме *-dd^w, если считать правило падения верхних уже применённым. Справедливость этого решения подтверждается также и сравнительными данными, см. ниже. Взаимодействие этих форм с основой устроено достаточно сложно и может быть описано при помощи двух морфонологических правил (5)–(6). Правило сонорной ассимиляции позволяет *-dd^w* реализоваться как *-ll^w* и *-nn^w* в тех случаях, когда основа оканчивается на сонорные */l/* и */n/*. Вместе

с тем, простое соположение алломорфа ПК и основы вызвало бы стечения согласных */ddd^w*, */lll^w* или */nnn^w*, что, видимо, запрещено фонотактикой языка, а потому вступает в действие ещё одно правило вытеснения наиболее левого звонкого согласного, в результате действия которого кластер упрощается до */dd^w*, */ll^w* или */nn^w*, а на основном гласном появляется компенсаторная долгота.

(5) сонорная ассимиляция: *idal-dd^w* > *idal-ll^w* >

(6) вытеснение звонкого: *idal-ll^w* > [ida:-ll^w]

С синхронной точки зрения «новый» набор алломорфов *-dd^w* ~ *-ll^w* ~ *-nn^w* супплетивен обоим «старым» алломорфам *-i* и *-a*. По типологии [30]; [31] отношение алломорфии между «новыми» и «старыми» показателями ПК, на наш взгляд, может считаться фонологически обусловленным (или phonologically conditioned suppletive allomorphy), поскольку дистрибуция «новых» показателей может быть описана в фонологических терминах – они имеют взаимную селективность только с основами на */d/*, */l/*, */n/*, которые, пусть и не формируют естественного фонологического класса, всё же достаточно близки артикуляторно. Как пишет М. Пастер, “sometimes the distribution of allomorphs appears to be phonologically arbitrary (though still phonologically determined)” [30, p. 97].

Несомненно, что эти алломорфы и диахронически не соотносятся с исходной вокалической *(-i; -a)* морфологией аориста и ПК, и, судя по всему, представляют собой инновацию. Обратим внимание также на то, что внедрение «новых» алломорфов в парадигму вызвало появление **нового расщепления** в парадигме: вместо двух старых супплетивных алломорфов, наборов стало три *(-i / -a / -dd^w ~ -ll^w ~ -nn^w)*. Можно предположить, что эта инновация появилась в результате неравномерной грамматикализации, создавшей это новое расщепление. В таком случае требуется установить её гипотетический источник и дать ответ на вопрос о причинах этой неравномерности.

Для этого обратимся к данным гигатлинского и гадыринского диалектов чамалинского языка. В обоих этих диалектах правило падения верхних гласных (4) действовало в меньшей степени, чем в гакваринском диалекте [28, с. 19–20].

(7)	<i>i-s:u</i> DEM-OBL.M	<i>hudul</i> friend	<i>w-uk'-a-t'u</i> M-be-AOR-PCVB	<i>ida</i> COP	<i>nasiradu</i> Nasiradu
‘У него был друг Насираду’ [28, с. 106]					
(8)	[...]	<i>w-oʔ-a-la</i> , M-come-TEMP	<i>hudul-qi</i> friend-APUD	<i>hił'-i-t'u</i> say-AOR-PCVB	<i>ida [...]</i> COP
‘[...] когда пришёл, другу сказал [...]’ [28, с. 128]					

В гигатлинском диалекте представлен единый показатель ПК *-t'u*. Морфологически этот показатель присоединяется к формам аориста А- и I-спряжений (т.е. к имеющим показатели аориста соответственно *-a* / *-i*) и не демонстрирует контекстной алломорфии (7)–(8).

При этом [28] содержит несколько противоречивые примеры образования ПК от основ на *-d*, *-n*, *-l*. В части примеров показатель аориста *-i* сохраняется перед показателем *-t'u*: *m-an-i-t'u* (HPL-go-AOR-PCVB) ‘пойдя’, *w-al-i-t'u* (M-call-AOR-PCVB) ‘ позвав’. В то же время отдельные примеры указывают на то, что аористное *-i* может редуцироваться между зубным основы и аффикса, вызывая компенсаторное удлинение основного гласного: *can-i* (milk-AOR) ‘подоил’ ~ *ca:n-t'u* (milk-PCVB) ‘подоив’. Единственный обнаруженный глагол основой на *-d*, для которого А.А. Бокарёв записал форму ПК, демонстрирует ещё и падение основного *-d*: *χa:-t'u* (ask_for-PCVB < **χad-i-t'u*). Имеющихся данных недостаточно для того, чтобы надёжно установить правила взаимодействия *-t'u* с основами на зубной. Однако для нас важен даже тот факт, что глаголы с основами на *-d*, *-n*, *-l* в принципе **могут** подвергаться большим редуктивным изменениям, чем остальные глаголы, где падение показателя аориста или основного согласного не засвидетельствовано: ср. *b-ic-i-t'u* (N-grab-AOR-PCVB) ‘схватив’, *j-ił'-i-t'u* (F-go-AOR-PCVB) ‘уйдя’ и др. [28, с. 128–129].

В гадыринском диалекте чамалинского языка дело обстоит похожим образом. По данным [28], в качестве показателя ПК там функционирует показатель *-ddu*. С гигатлинским диалектом его объединяет неселективность: он присоединяется ко всем глаголам независимо от деления на А- и I-спряжения: *w-un-a-ddu* (M-go-AOR-PCVB) ‘ушедши’, *rač-i-ddu* (quarrel-AOR-PCVB) ‘поругавшись’.

Вместе с тем, в гадыринском диалекте, как и в гакваринском, для части глаголов I-спряжения показатель *-ddu* подвергается действию правил (5)–(6). При присоединении к основам на */n/* он принимает вид *-nni*, а после исхода на */l/* – *-llu*: *χ:a:-nni* ‘покосив’ (от основы *χ:an-*), *b-ek'a:-llu* ‘ положив’ (от основы *b-ek'al-*), *ida:-llu* ‘ полюбив’ (от основы *idal-*) [28, с. 103–104]. Показатель

аориста *-i* сохраняется в этих формах лишь в тех основах, которые не оканчиваются на зубной согласный */d/*, */l/*, */n/*.

По-видимому, суффиксы ПК в этих диалектах имеют общее происхождение. Не исключено, что, как и в каратинском сценарии, грамматикализации подверглось наречие гиг. *exat'u*, гакв. *jaħat'* ^w ‘потом, после’. Впрочем, вероятен и другой сценарий грамматикализации этих показателей из глагола гиг. *bet'* ^u (run_out-AOR), гакв. *bet'* ^w (run_out.AOR) ‘кончаться, исчезать’ [32]. Всемирный словарь грамматикализации [26, р. 177] также отмечает путь грамматикализации FINISH > CONSECUTIVE как типологически частотный. Можно предполагать, что здесь грамматикализация шла по пути ‘Р кончившись, {было} Q’ > ‘Х-PCVB, Y’. На наш взгляд, сценарий с глаголом *bet'* ^w ‘кончаться, исчезать’ несколько более экономный. В случае грамматикализации глагола меньшее количество фонетического материала должно подвергнуться эрозии, чтобы показатели ПК приняли вид гакв. *-dd^w*, гад. *-ddu*, гиг. *-t'u* (по сравнению с наречиями гиг. *exat'u*, гакв. *jaħat'* ^w ‘потом, после’). Глагольный сценарий также чуть лучше позволяет объяснить и нерегулярное соответствие между гакв., гад. */dd/* ~ гиг. */t'/*. Надо полагать, в гигатлинском диалекте произошла редукция первого слога целиком **hił'-i (be)t'-u* > *hił'-i-t'-u* ‘сказав’. В то время как в гакваринском и гадыринском диалектах редуцировался не целый слог, а только корневой гласный, что привело к упрощению кластера */bt'* ^w > */dd^w* гакв. **χadibet'* ^w > **χadibt'* ^w > *χa:dd^w* ‘попросив’.

Вернёмся теперь к вопросу о возникновении супплетивной алломорфии между «старыми» (*-a* / *-i*) и «новыми» алломорфами ПК. Данные диалектов показывают, что основы на *-d*, *-n*, *-l* являются более благоприятными для морфологизации источника ПК, чем все прочие. Даже в гигатлинском и гадыринском диалектах, где грамматикализация источника **bet'* ^w – происходит равномерно во всех словоизменительных классах, именно эти основы наиболее тесно взаимодействуют с показателем ПК, заставляя вводить несколько морфонологических правил для описания редуктивных изменений. Можно предположить, что тот же фактор «благоприятной

субстанции» и был системным эффектом, повлиявшим на возникновение фонологически обусловленной супплетивной алломорфии в гакваринском диалекте. Более благоприятные основы способствовали более быстрой морфологизации и эрозии **bet^w-*, в результате чего новая форма закрепилась в контексте этих основ.

Однако почему эти формы не проникли в остальную лексику **I*-спряжения с основами на прочие согласные? Как мы помним из табл. 5, в этих лексемах сохранился «старый» и противоречащий правилу падения верхних показатель перфективного конверба *-i*. На наш взгляд, его можно объяснить исходя из особенностей действия правила падения верхних гласных (4). Одним из контекстов употребления ПК является контекст аналитических форм. Учитывая, что перфект в гакваринском чамалинском ныне морфологизован (см. табл. 1), вероятно, что аналитические формы составляли одно фонетическое слово. Именно поэтому там могло не действовать правило падения верхних. Таким образом, нерегулярный *-i* сохраняется в контексте аналитических конструкций и оказывается противопоставлен *-Ø* в абсолютном конце высказывания,

которые [28, с. 87] записывает в два фонетических слова как *gu:dd^w ida* ‘дал, видимо’, *idall^w ida* ‘полюбил, видимо’, *t'ann^w ida* ‘убил, видимо’. Это отличает их от форм перфекта со «старыми» вокалическими показателями, которые уже успели к тому моменту морфологизоваться: *aqi:da* (< *aqi ida*) ‘молод, видимо’, *buk'e:da* (< *buk'a ida*) ‘был, видимо’.

2.2. Анчихский каратинский: роль структуры

Рассмотрим теперь данные анчихского диалекта каратинского языка. На наш взгляд, здесь также имела место неравномерная грамматикализация, однако сам диахронический сценарий, как кажется, довольно сильно отличается от того, что мы видели в чамалинском.

Морфология ПК в анчихском диалекте, так же, как и в других андийских языках, тесно связана с аористом. Конверб имеет три алломорфа, по одному для каждого из спряжений (о спряжениях в каратинском языке см. выше, в разделе 2): *-as:* для глаголов А-спряжения (9), *-iz:* для глаголов У-спряжения (10) и *-o* для глаголов Е-спряжения (11). Формы *-as:* и *-iz:* мы будем далее называть *s*-формами, а *-o* – *o*-формой.

(9)	<i>nik'o-b=da</i> small-N=EMPH	<i>erel</i> thing	<i>b-ik^w-as:</i> N-be-PCVB	<i>gira</i> COP	<i>ho-b=el</i> that-N=ADD	
(10)	<i>mak'i</i> children	<i>e^wel</i> today	<i>c'aq'e</i> very	<i>cuh-us:</i> misbehave-PCVB	<i>b-ik^w-a</i> N-be-AOR	
(11)	<i>χej</i> after	<i>ho-b=el</i> that-N=ADD	<i>b-il-o,</i> N-put-PCVB	<i>bak'^wal</i> belly	<i>dande</i> together	<i>q'ind-e</i> sew-AOR

‘Малюсенький он {козлёнок} был’ [21]
'Дети сегодня сильно баловались' [33]
'Потом, поставив это [кишку], живот зашил' [21]

в котором верхние редукции подвергаются. Надо полагать, в какой-то момент форма на *-i* начала осмысляться как особая «привспомогательная» форма, которая позже распространилась и на контекст адвербального подчинения, а форма на *-Ø* в силу своего тяготения к финальной позиции стала осмысляться как финитная.

Вполне возможно, что основы на *-d*, *-n*, *-l* поначалу также подчинялись этому распределению алломорфов (*-Ø* в финитном аористе и *-i* в форме ПК). Однако впоследствии, в результате быстрой морфологизации **bet^w-* > *-dd^w ~ -nn^w ~ -ll^w* возникло обратное движение распространения этих форм из контекста адвербального подчинения в контекст аналитических форм. На их позднейшее появление в этом контексте указывают формы перфекта от лексем с этими основами,

В эту же систему спряжений вписаны формы перфективных причастий с алломорфами *-a-CL* (А), *-u-CL* (У), *-o-CL* (Е) с показателем классно-числового согласования (см. табл. 6).

Таблица 6. Формы аориста, перфективного причастия и конверба в анчихском диалекте

Пра-андийский	Анчихский	Аорист	Перфективное причастие	ПК
*A-спр.	A-спр.	<i>b-ex^w-a</i> N-come-AOR	<i>b-ex^w-a-b</i> N-come-PTCP-N	<i>b-ex^w-as:</i> N-come-PCVB
*I-спр.	U-спр.	<i>b-uq'-u</i> N-cut-AOR	<i>b-uq'-u-b</i> N-cut-PTCP-N	<i>b-uq'-us:</i> N-cut-PCVB
	E-спр.	<i>b-el-e</i> N-go-AOR	<i>b-el-o-b</i> N-go-PTCP-N	<i>b-el-o</i> N-go-PCVB

Из табл. 6 видно, что и конвербиальная, и причастная морфология имеют значительное формальное сходство с показателями аориста и стоило бы заподозрить их общее происхождение. Однако есть ряд проблем, которые требуют особого обсуждения. Как и в гакваринском чамалинском, здесь мы имеем дело с супплетивной алломорфией: s-формы и o-форму конверба нельзя свести к одной глубинной форме, и, по-видимому, они произошли из разных, не сводимых друг к другу источников грамматикализации. Более того, алломорфы, получившиеся в результате этой предполагаемой грамматикализации (т.е. s-формы и o-формы) заняли парадигматические клетки в точном соответствии с лексически распределённым спряжением. Это значит, что мы имеем дело с лексически-распределённой супплетивной алломорфией по классификации [30]. Дополнительно осложняет дело то, что современные E- и U-спряжения диахронически возводятся к *I-спряжению [17]. При этом E-спряжение обслуживает o-форма, а U-спряжение – s-форма. Тем самым, анчихская ситуация кажется даже более проблематичной, чем чамалинская. В парадигме наблюдается супплетивное расщепление особого рода: некий внешний источник грамматикализации *-s: не просто вторгся в один из уже существующих словоизменительных классов, но и как бы «разрезал» парадигму поперёк «старых» спряжений.

Учитывая соблюдение показателями ПК дистрибуции по A-, U- и E-спряжениям, вероятно, стоит искать источник грамматикализации конвербиальных форм внутри парадигмы и предположить, что некая форма, уже расщеплённая

[14, п. 17–20] указывает именно причастия, утратившие согласование с именем-вершиной. Ср., например, русские деепричастия на *-vши* / *-ши*, *-я*, *-учи* произошедшие «от нечленных [...]» форм действительных причастий прошедшего и настоящего времени после того, как эти формы перестали согласовываться по роду и числу с именами существительными» [34], см. также [35, с. 351ff.].

Таким образом, можно подозревать развитие конверба из причастия по типу *b-eł-o-b* (N-go-PTCP-N) ‘пришедший’ > *b-eł-o* (N-go-PCVB). Однако есть ли морфологические предпосылки для полной утраты (а не, например, фоссилизации) классного показателя? На наш взгляд, такая утрата весьма вероятна. Контекстом для неё могли стать аналитические конструкции с глаголом *b-ik^w-a* (N-be-AOR) ‘быть’. В результате фонетического слияния суффиксального КЧП причастия с префиксальным КЧП вспомогательного глагола кластер из двух классных показателей мог упроститься до одного, например, *b-eł-o-b b-ik^w-a* (N-go-PTCP-N N-be-AOR) ‘ушёл (давно)’ > *b-eł-o b-ik^w-a* (N-go-PTCP N-be-AOR).

Более того, утрата классного показателя в части парадигмы – живой и действующий процесс. Так, в тексте, записанном З.М. Магомедбековой [21, с. 207–208], встречается «бесклассная» форма имперфективного причастия в контексте глагола ‘быть’ (12). Элицитировать удаётся также и усечённые формы футурального причастия (13), однако в изолированном произнесении носители отрицают формы типа **w-ol-a:-lo* (M-go-INF-PTCP) ‘{ожид.} который уйдёт’, как и в сочетании с несогласуемой копулой *w-ol-a:-lo*(~w)* *gira* ‘уйдёт’.

(12)	<i>ho-š:u-l</i> MED-OBL.M-ERG	<i>de</i> I	<i>hek’ʷaš-i-r</i> barn-IN-LAT	<i>t’am-d-o</i> cast-IPFV-PTCP	<i>w-uk^w-a</i> M-be-AOR
‘Он закрывал меня в амбаре [...]’ [21, с. 207]					
(13)	<i>ho-be</i> that-HPL	<i>b-eł-abar,</i> HPL-go-CND	<i>den=e</i> I=ADD	<i>w-ol-a:-lo(-w)</i> M-go-INF-PTCP.FUT(-M)	<i>w-uk^w-a</i> M-be-AOR
‘Если бы они пошли, я бы тоже пошёл’ [элицитировано]					

по спряжениям, в результате некого семантического сдвига стала конвербом. Такой формой, на наш взгляд, может быть только перфективное причастие. Аргументов в пользу этой версии несколько. Во-первых, формы ПК, за вычетом сегмента /s/, идентичны формам причастия без классного показателя: *b-ex^w-a* (N-come-PTCP-), *b-iq’-i-* (N-cut-PTCP-) и *b-eł-o-* (N-go-PTCP-). Во-вторых, такое «совпадение» с типологической точки зрения является вполне ожидаемым: в качестве одного из типологически распространённых источников грамматикализации конвербов М. Хаспельмат

Пока мы, однако, никак не объяснили появление сегмента /s/ в s-формах. Возможным источником грамматикализации s-форм мы полагаем общеандийский транскатегориальный атрибутивизатор *-s:, рефлексы которого могут в разных андийских языках атрибутивизировать существительные в пространственных падежах, послеложные группы и наречия. Более подробно о свойствах и функциях атрибутивизатора в верхнеандийском и других андийских языках см. [36, с. 301]. В некоторых языках этот атрибутивизатор также может образовывать причастия

от цельнооформленных видо-временных форм (ср. верхнеандийские примеры (14)–(15)).

- (14) *hili-ddu=s:i* *χan-š:u-w* *wošo*
 love-PF=ATTR khan-OBL-M son
 ‘сын хана, которого она полюбила’ [37]
- (15) *c'ati-do=s:i* *dungal*
 burn-HAB=ATTR pit
 ‘горящая яма’ [37]

В анчихском языке когнатный атрибутивизатор также обнаруживается, но он лишён транскатегориальности и используется для образования прилагательных от наречий: например, *ga*: (up) ‘наверху’ → *ga*:-*s*: (up-ATTR) ‘верхний’, *χej* (then) ‘ дальше, потом’ → *χej*:-*s*: (then-ATTR) ‘следующий’ и под.

Можно предположить, что наличие состояния атрибутивизатора является результатом утраты транскатегориальности, а в более раннем состоянии анчихский атрибутив *-s*: мог также присоединяться и к глагольным формам. В таком случае формы типа *b-ex^w-a-s*: (N-come-AOR-ATTR) ‘который пришёл’, *b-uq'-u-s*: (N-cut-AOR-ATTR) ‘которого порезали’ также изначально являлись формами атрибутивизированного аориста. Это предположение хорошо согласуется с предположением о том, что конверbialные формы имеют изначально причастное происхождение.

Остаётся пока неясным, почему эти атрибутивизированные глагольные формы (производные причастия в терминах [37]) закрепились лишь в A- и U-спряжениях. Мы предполагаем, что конверbialные формы всех трёх спряжений имеют источником своей изначальной грамматикализации простые перфективные причастия (третий столбец табл. 7). Общий для них был также и процесс утраты классного показателя. Однако затем, в действие вступил некий **системный эффект**. Дело в том, что после утраты классного показателя усечённые формы причастия в A- и U-спряжениях (и только в них) совпали с формами аориста (серая заливка в табл. 7). О причинах запрета именно такого синкетизма судить трудно, однако можно предположить, что формы аориста не могли участвовать в образовании аналитических глагольных форм. Это отличает анчихский

диалект от собственно каратинского (см. выше), где формы типа *ge*: *b-ik^w-a* (do.AOR[PCVB] N-be-AOR) ‘сделал’ разрешены. Обратим внимание, что запрет на участие аориста в аналитических формах является системным эффектом структурного характера, поскольку накладывается запрет именно на структуру аналитических форм.

В результате, чтобы избежать синкетизма аориста и усечённой формы причастия, парадигматическую лакуну заполняют производные причастия на *-s*: Дальнейшим этапом развития этой системы, было, предположительно, закреплениеproto-конвербных *s*- и *o*-форм в качестве «привспомогательных», а затем и обобщение их на контексты адвербионального подчинения через посредство депиктивных конструкций типа ‘Он пришёл пьяным’ > ‘Он пришёл выпивши’ – согласно сценарию, предлагаемому в [14, р. 17–20].

3. Заключение

Итак, мы обсудили три примера грамматикализации перфективного конверба. В собственно-аратинском диалекте каратинского языка грамматикализация протекала по равномерному сценарию, и в её результате никакой новой супплетивной алломорфии не было создано. Однако два других сценария грамматикализации – в анчихском диалекте каратинского языка и в гакваринском диалекте чамалинского языка – не прошли столь «гладко». Эти два случая мы считаем фактами неравномерной грамматикализации. В результате её протекания создались новые супплетивные расщепления в парадигме. Мы показали, что грамматикализация может протекать неравномерно под действием факторов системы, которые мы назвали системными эффектами. При этом системные эффекты могут иметь как субстанциональную, так и структурную природу.

В гакваринском чамалинском мы имеем дело с субстанциональным эффектом «благоприятного фонетического контекста», в результате действия которого в этом контексте (и только в нём) закрепились алломорфы, грамматикализованные из другого источника, нежели показатели перфективного конверба в остальной системе. Действие эффекта благоприятного фонетического контекста привело к образованию фонологически обусловленной

Таблица 7. Вторичный синкетизм между усечёнными формами причастия и аористом

	Аорист	Перф. причастие	С согласуемым глаголом
A-спряжение	<i>b-ex^w-a</i> N-come-AOR	<i>b-ex^w-a-b</i> N-come-PTCP-N	<i>**b-ex^w-a</i> <i>b-ik^w-a</i> N-come-PTCP N-be-AOR
U-спряжение	<i>b-uq'-u</i> N-cut-AOR	<i>b-uq'-u-b</i> N-cut-PTCP-N	<i>**b-uq'-u</i> <i>b-ik^w-a</i> N-cut-PTCP N-be-AOR
E-спряжение	<i>b-el-e</i> N-go-AOR	<i>b-el-o-b</i> N-go-PTCP-N	<i>b-el-o</i> <i>b-ik^w-a</i> N-go-PTCP N-be-AOR

супплетивной алломорфии. Отметим, что описанный сценарий появления подобной алломорфии не учитывается в работе [31], обсуждающей возможные диахронические пути развития именно такого типа алломорфического варьирования.

В анчихском диалекте каратинского на грамматикализацию перфективного конверба из причастия наложился эффект запрета на структуру аналитических форм. В результате чего образовавшаяся «парадигматическая лакуна» была заполнена формами с другим источником грамматикализации. Это также привело к возникновению супплетивной алломорфии в системе, однако же на этот раз лексически распределённой.

Введённое в этой статье понятие системных эффектов можно считать частным случаем принципа pattern regulation (упорядочения паттернов), по Э. Далю [25, р. 120–140]. Упорядочение паттернов, занимающих одну нишу, происходит в том случае, если выбор одного из паттернов так или иначе ограничивается: “Pattern regulation may involve either the total disappearance of one or more old patterns from a niche or the introduction of a total or partial division of labour between the new and the old patterns” [25, р. 120]. В рассмотренных нами примерах как раз и происходит это «распределение обязанностей» между старой и новой морфологией. Однако Э. Даль [25, р. 120–140] в качестве факторов, регулирующих упорядочение паттернов, обсуждает, в основном, семантические и стилистические факторы. Тогда как на позднейших стадиях грамматикализации, во время встраивания нового, грамматикализуемого элемента в систему парадигматических противопоставлений, возникают, как мы постарались показать, факторы системного характера, которые могут быть связаны с фонетическими особенностями элементов системы или особенностями её структурной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bowern C. Diachrony // The Oxford Handbook of Inflection. Oxford Handbooks in Linguistics / Ed. M. Baerman. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 233–249.*
2. *Maiden M. Irregularity as a determinant of morphological change // Journal of Linguistics. 1992. Vol. 28. № 2. P. 285–312.*
3. *Maiden M. When lexemes become allomorphs – On the genesis of suppletion // Folia Linguistica. 2004. Vol. 38. № 3–4. P. 227–256.*
4. *Maiden M. Morphological autonomy and diachrony // Yearbook of Morphology 2004 / Eds. G. Booij, J. van Marle. Dordrecht: Springer, 2005. P. 137–176.*
5. *Maiden M. From pure phonology to pure morphology: the reshaping of the Romance verb // Recherches linguistiques de Vincennes. 2009. Vol. 38. P. 45–82.*
6. *Lehmann C. Thoughts on grammaticalization. Berlin: Language Science Press, 2015. 3rd edition.*
7. *Narrog H., Heine B. Grammaticalization. Oxford, United Kingdom; New York, NY: Oxford University Press, 2021.*
8. *Bybee J.L. Semantic Substance vs. Contrast in the Development of Grammatical Meaning // Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1988. P. 247–264.*
9. *Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 2nd Edition.*
10. *Урманчева А.Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкоznания. 2015. Т. 6. С. 54–77.*
11. *Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.*
12. *Sprachwandelvergleich – Comparing diachronies / Eds. J. Fleischer, H.J. Simon. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. 229 p.*
13. *Corbett G.G. Morphosyntactic complexity: A typology of lexical splits // Language. 2015. Vol. 91. № 1. P. 145–193.*
14. *Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in Cross-Linguistic Perspective / Eds. M. Haspelmath, E. König. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.*
15. *Муравьёв Н.А. Таксис и таксисные значения в языках мира: теория и типология / Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2017.*
16. *Магомедова П.Т., Халилова Р.Ш. Каратинско-русский словарь / Ред. М.Ш. Халилов. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 480 с.*
17. *Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.*
18. *Огурцова М.А. Судьба *А- и *I-спряжений в андийских языках / Курсовая работа. М.: НИУ ВШЭ, 2024.*
19. *Heine B., Reh M. Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. Hamburg: Hemut Buske Verlag, 1984.*
20. *Hopper P.J. On some principles of grammaticalization // Approaches to Grammaticalization / Eds. E.C. Traugott, B. Heine. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 17–36.*
21. *Магомедбекова З.М. Каратинский язык: грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси: Мецниереби, 1971.*
22. *Pasquereau J. A sketch of Karata (Nakh-Daghestanian) // The Caucasian Languages. An International Handbook / Eds. T. Maisak, Y. Koryakov. Berlin: Mouton de Gruyter, to appear.*
23. *Мудрак О.А. Андийские основы: этимологический словарь. М.: Языки народов мира, 2020. 1164 с.*

24. Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков: Историко-сравнительный анализ. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1964.
25. Dahl Ö. The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. 333 p.
26. Kuteva T. et al. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. Iss. 2.
27. Наследкова П.Л. Источники грамматикализации отыменных послелогов в нахско-дагестанских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. Т. XVII. № 1. С. 215–252.
28. Бокарёв А.А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
29. Магомедбекова З.М. Чамалинский язык // Иберийско-кавказские языки. Языки народов СССР / Ред. Е.А. Бокарёв, К.В. Ломтадзе. М.: Наука, 1967. С. 384–399.
30. Paster M. Alternations: Stems and Allomorphy // The Cambridge Handbook of Morphology Cambridge Handbooks in Language and Linguistics / Eds. A. Hippisley, G. Stump. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 93–116.
31. Paster M. Diachronic sources of allomorphy // The morphosyntax-phonology connection: locality and directionality at the interface / Eds. V. Gribanova, S.S. Shih. New York: Oxford University Press, 2017. P. 419–443.
32. Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь. Махачкала: ДНЦ РАН, 1999.
33. Гаджимагомедов М.З. Анчихский язык: словарь. Махачкала, 2019. Рукопись.
34. Биккулова О.С. Деепричастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). М., 2011. На правах рукописи.
35. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.
36. Майсак Т.А. Атрибутивные показатели в андийском языке: клитики или аффиксы? // Сборник статей к 85-летию В.С. Храковского / Ред. Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 280–305.
37. Майсак Т.А. Простые и производные причастия в андийском языке: сходства и различия в морфологии и семантике // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции (24–25 июня 2021 г.). Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ, 2021. С. 63–68.
2. Maiden, M. Irregularity as a determinant of morphological change. *Journal of Linguistics*. 1992, Vol. 28, No. 2, pp. 285–312.
3. Maiden, M. When lexemes become allomorphs – On the genesis of suppletion. *Folia Linguistica*. 2004, Vol. 38, No. 3–4, pp. 227–256.
4. Maiden, M. Morphological autonomy and diachrony. *Yearbook of Morphology 2004*. Eds. G. Booij, J. van Marle. Dordrecht: Springer, 2005, pp. 137–176.
5. Maiden, M. From pure phonology to pure morphology: the reshaping of the Romance verb. *Recherches linguistiques de Vincennes*. 2009, Vol. 38, pp. 45–82.
6. Lehmann, C. *Thoughts on grammaticalization*. Berlin: Language Science Press, 2015. 3rd edition.
7. Narrog, H., Heine, B. *Grammaticalization*. Oxford, United Kingdom; New York, NY: Oxford University Press, 2021.
8. Bybee, J.L. Semantic Substance vs. Contrast in the Development of Grammatical Meaning. *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988, pp. 247–264.
9. Hopper, P.J., Traugott, E.C. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 2nd Edition.
10. Urmancieva, A.Yu. *Kak grammaticeskaya sistema upravlyayet semanticheskoye evolyutsii pokazatelei* [How Much Impact can Grammatical System Have on the Semantic Evolution of Grams]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 2015, No. 6, pp. 54–77. (In Russ.)
11. Bybee, J.L., Perkins, R.D., Pagliuca, W. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
12. Sprachwandelvergleich – Comparing diachronies. Eds. J. Fleischer, H.J. Simon. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. 229 p.
13. Corbett, G.G. Morphosyntactic complexity: A typology of lexical splits. *Language*. 2015. Vol. 91, No. 1, pp. 145–193.
14. Haspelmath, M. The converb as a cross-linguistically valid category // *Converbs in Cross-Linguistic Perspective* / Eds. M. Haspelmath, E. König. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.
15. Muraviev, N.A. *Taksis i taksisnye znacheniya v yazykakh mira: teoriya i tipologiya*. Dis. ... kand. filol. nauk [Taxis and Taxis Meanings in the Languages of the World: Theory and Typology. Dis. ... Candidate of Philology]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ., 2017. (In Russ.)
16. Magomedova, P.T., Khalidova, R.S. *Karatinsko-russkij slovar*. Red. M.Sh. Halilov [Karata – Russian Dictionary. Ed. by M.S. Khalilov]. Makhachkala: DNC RAS Publ., 2001. 480 p.
17. Alekseev, M.E. *Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya avaro-andijskikh yazykov* [Comparative Historical Morphology of the Avar-Andic Languages]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bowern, C. Diachrony. *The Oxford Handbook of Inflection. Oxford Handbooks in Linguistics*. Ed. M. Baerman. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 233–249.

18. Ogurtsova, M.A. *Sudba *A- i *I-spryazhenij v andijskikh yazykah. Kursovaya rabota* [The Fate of *A- and *I-Conjugations in Andic Languages. Course Work]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2024. (In Russ.)
19. Heine, B., Reh, M. *Grammaticalization and Reanalysis in African Languages*. Hamburg: Hemut Buske Verlag, 1984.
20. Hopper, P.J. *On some principles of grammaticalization. Approaches to Grammaticalization*. Ed. E.C. Traugott, B. Heine. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991, pp. 17–36.
21. Magomedbekova, Z.M. *Karatinskij yazyk: grammaticeskij analiz, teksty, slovar* [Karata Language: Grammatical Analysis, Texts, Dictionary]. Tbilisi: Metsnie-rebi Publ., 1971. (In Russ.)
22. Pasquereau, J. *A sketch of Karata (Nakh-Daghestanian). The Caucasian Languages. An International Handbook*. Eds. T. Maisak, Y. Koryakov. Berlin: Mouton de Gruyter, to appear.
23. Mudrak, O.A. *Andijskie osnovy: etimologicheskij slovar* [Andic Foundations: Etymological Dictionary]. Moscow: Languages of the peoples of the world Publ., 2020. 1164 p. (In Russ.)
24. Gudava, T.E. *Konsonantizm andijskikh yazykov: Istoriko-sravnitelnyj analiz* [The Consonantism of the Andic Languages: A Historical and Comparative Analysis]. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of Georgian SSR, 1964.
25. Dahl, Ö. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. 333 p.
26. Kuteva, T. et al. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. Iss. 2.
27. Nasledskova, P.L. *Istochniki grammatikalizacii otmenyayushchikh poslelogov v nahsko-dagestanskikh yazykah* [Grammaticalization Sources of Nominal Postpositions in East Caucasian Languages]. Acta Linguistica Petropolitana. 2021, Vol. XVII, No. 1, pp. 215–252. (In Russ.)
28. Bokarev, A.A. *Ocherk grammatiki chamalinskogo yazyka* [An Essay on the Grammar of the Chamalal Language]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
29. Magomedbekova, Z.M. *Chamalinskij yazyk* [Chamalal Language]. Iberijsko-kavkazskie yazyki. Yazyki narodov SSSR. Red. E.A. Bokarev, K.V. Lomtadidze [Iberian-Caucasian Languages. Languages of the Peoples of the USSR. Eds. E.A. Bokarev, K.V. Lomtadidze]. Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 384–399. (In Russ.)
30. Paster, M. *Alternations: Stems and Allomorphy*. The Cambridge Handbook of Morphology Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Eds. A. Hippisley, G. Stump. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, pp. 93–116.
31. Paster, M. *Diachronic sources of allomorphy. The morphosyntax-phonology connection: locality and directionality at the interface*. Eds. V. Gribanova, S.S. Shih. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 419–443.
32. Magomedova, P.T. *Chamalinsko-russkij slovar* [Chamalal-Russian Dictionary]. Makhachkala: DNC RAS Publ., 1999.
33. Gadzhimagomedov, M.Z. *Anchihskij yazyk: slovar* [Anchikh Language: Dictionary]. Makhachkala, 2019. The manuscript.
34. Bikkulova, O.S. *Deeprichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (rusgram.ru)* [Converb Part. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar (rusgram.ru)]. Moscow, 2011. On the rights of the manuscript. (In Russ.)
35. Gorshkova, K.V., Khaburgaev, G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Higher School Publ., 1981. 359 p. (In Russ.)
36. Maisak, T.A. *Atributivnye pokazateli v andijskom yazyke: klitiki ili affiksy?* [Attributivizers in the Andi Language: Clitics or Affixes?]. *Sbornik statej k 85-letiyu V.S. Hrakovskogo. Red. D.V. Gerasimov, S.Yu. Dmitrenko, N.M. Zaika* [Festschrift for the 85th Anniversary of V.S. Khrakovskiy. Eds. D.V. Gerasimov, S.Y. Dmitrenko, N.M. Zaika]. Moscow: Publishing House YASK, 2019, pp. 280–305. (In Russ.)
37. Maisak, T.A. *Prostye i proizvodnye prichastiya v andijskom yazyke: skhodstva i razlichiya v morfologii i semantike* [Simple and Derived Participles in the Andi Language: Similarities and Differences in their Morphology and Semantics]. *Kavkazskie yazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i arealnye svyazi. Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 24–25 iyunya 2021 g.* [Caucasian Languages: Genetic and Typological Commonalities and Areal Connections. Collection of Articles Based on the Materials of the 7th International Scientific Conference. June 24–25, 2021]. Makhachkala: ALEF Publ., 2021, pp. 63–68. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 30 сентября 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 октября 2024 г.

Статья принята к публикации: 7 октября 2024 г.
Дата публикации: 28 февраля 2025 г.

Received by Editor on September 30, 2024

Revised on October 5, 2024

Accepted on October 7, 2024

Date of publication: February 28, 2025